

АЛМАЗОВ, Борис Николаевич [27.X(8.XI).1827, г. Вязьма Смоленской губ.-- 3(15).IV.1876, Москва; похоронен в Донском монастыре] -- поэт, переводчик, литературный критик, прозаик. Сын отставного штабс-капитана, по происхождению принадлежащего к высшей московской знати. Детство А. провел в родовом с. Караваево (Смоленская губ.). Первоначальное образование получил дома. В 1839 г. поступил во 2-й класс 1-й Московской гимназии, откуда перевелся в пансион Эннеса. В 1848 г. А. поступил на юридический факультет Московского университета, где посещал лекции известных историков Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. Однако не только научные интересы волнуют его в это время: А. страстный театрал, завсегдатай Малого театра, он участвует в любительских спектаклях, мечтая о славе актера. Окончить университет А. не удалось: в 1851 г., оставленный разорившимся отцом без средств, он не смог внести плату за образование и был отчислен. Вскоре после этого А. становится членом "молодой редакции" журнала "Москвитянин", в состав которой входили литераторы А. Н. Островский, Е. П. Эдельсон, А. А. Григорьев, Т. И. Филиппов, Л. А. Мей, артисты П. М. Садовский, И. Ф. Горбунов и др. Близки к "молодой редакции" были П. И. Мельников (Печерский) и А. Ф. Писемский, знакомство с которым переросло у А. в 60--70 гг. в тесную дружбу. Втянутый друзьями в журналистскую жизнь, А. поначалу переживает сильный душевный подъем, с энтузиазмом бросается на борьбу "с пороками, с развратом и злоупотреблениями" (Барсуков Н.-- Т. XII. -- С. 213), "со всем, что есть пришлого, басурманского" в русской "литературе и... жизни" (Там же.-- Т. XI.-- С. 381). Ярким выразителем умонастроений и литературных вкусов молодого критика, склонного к розыгрышам и мистификациям, стал придуманный им персонаж *Эраст Благодравова*, именем которого А. подписывал свои фельетоны, остроумные пародии и критические выступления. Избранная А. литературная маска, по видимому, в несколько комичной и шаржированной форме представляла его собственный автопортрет. На сходство А. и Эраста Благодравова, в частности, указал историк М. И. Семевский, отметив, что критик, как и его "двойник", отличается "любовью к известности, страстью к литературе, восприимчивостью сердца..." (А. Н. Островский в воспоминаниях современников.-- С. 148). Выступления Эраста Благодравова, нередко подчеркнуто полемичные по отношению к Некрасовскому и Панаевскому "Современнику", вызывали ярые журнальные перепалки. Особенно бурно обсуждалась в печати статья Эраста Благодравова "Сон по случаю одной комедии" (Москвитянин.-- 1851.-- No 7 ("Предупреждение"), 9-10), в которой автор пытался привлечь внимание публики к только что написанной, но запрещенной цензурой к постановке, первой комедии Островского "Свои люди -- сочтемся!". Написанная в драматической форме, статья-шутка Эраста Благодравова как бы обыгрывала все возможные критические замечания в адрес драматурга, доводя до абсурда литературные позиции критиков тогдашних направлений -- западников и славянофилов, поклонников "чистого искусства" и утилитаристов. Однако за блеском остроумия Эраста Благодравова для самого А. скрывались выстраданные и серьезные размышления о русской литературе. В этой статье (одной из лучших в наследии критика) А. выступает с требованием простоты в жизни и искусстве, пытается определить самобытность таланта Островского и Гоголя. По мнению А., первый стремится к объективному изображению действительности; Гоголь же склонен к фантазмагии и гиперболизации. Задетые полемикой критики в откликах на статью А. продемонстрировали к ней крайнее пренебрежение, а автору отказали даже в остроумии (см.: <И. И. Панаев> // Современник.-- 1851.-- No 5.-- Отд. VI.-- 4 С. 52--53, <А. Д. Галахов> // Отечественные записки.-- 1851.-- No 8.-- Отд. VI.-- С. 141--142). Восстановить справедливость спустя почти десять лет попытался Григорьев, заявив, что в "замечательной, не позабытой... шутке" "высказан был впервые даровитым критиком-юмористом глубоко верный взгляд на различие нового таланта... от таланта Гоголя" (Григорьев А. А.-- С. 390).

Вскоре А. пережил духовный кризис, о чем и поведал в доверительном письме Погодину в октябре 1852 г. Жалуясь авторитетному корреспонденту, что "решительно никто не понял", отчего он "кричал и горячился", А. признавался, что прежняя деятельность ему "опротивела" (Барсуков Н.-- Т. XII. -- С. 213). Ставший весной 1852 г. постоянным литературным обозревателем, А. в статье "Наблюдения Эраста Благодравова над русской литературой и журналистикой" (Москвитянин.-- 1852.-- No 17) пытался совместить новые обязанности с прежним литературным амплуа. Статья успеха не имела. С этого момента общий тон литературно-критических выступлений А. меняется: его статьи, проникнутые теперь преклонением перед русской патриархальностью, приобретают привкус дидактизма, фельетонная юмористика уступает место грубому морализаторству (см.: Егоров Б. Ф. -- С. 33). Важным критерием оценки произведения для А. становится характер изображения писателем русского народного быта. Так, например, А. приветствует роман Д. В. Григоровича "Рыбаки", в котором увидел "что-то истинно родное... лстящее... народной гордости" (Москвитянин.-- 1853.-- No II.-- Отд. V.-- С. 80), а о рассказе И. С. Тургенева "Муму" отзываясь крайне неприязненно, упрекая автора в изысканности сюжета, "прямых эффектах", не имеющих отношения к действительной русской жизни (Москвитянин.-- 1854.-- No 9.-- Отд. IV.-- С. 32--33). Как литературный обозреватель, А. привлекает внимание публики к проникнутой